

Олег ДОЗМОРОВ

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Уральского университета и аспирантуру. Автор пяти книг стихов, многих журнальных публикаций. Лауреат «Русской премии» (2012). Живет и работает в Лондоне.

Прийти нужно было к семи утра,
за окном на слонов набросили простыню.
Вспоминаю об этом раз-два на дню
и держу рукою слова у рта.

Был январь, очень холодно, ведь Урал.
Дождались трамвая, поехали –
вдоль трамвайных путей так снега легли,
словно кто-то Арктику обокрал.

Ты потом обвела три строки, абзац
у Хемингуэя, где про белых слонов.
Я недавно нашел и прочел тех слов
абсолютную правду. Подлец, паяц,

трус, поэт, пятикурсник, паяц, подлец.
«Все б это могло, – сказала девушка, – нашим стать,
но не стало». Что ж теперь горевать,
почему-то подумалось наконец.

Ненадолго, но это сблизило нас.
Может, просто боялась, что я уйду.
Очень холодно было зимой в том году,
минус тридцать, наверное, не то что сейчас.

почему-то именно в магазине
где афробританцы мамы с детьми разини
покупая овощи ерунду
вспоминаю красноуфимск ревду

под красноуфимск ездили на картошку
там влюбился сильно не понарошку
а в ревду посылали иди в ревду
вот и касса беру купоны иду

Огни по стенам и сирен
колоратурное сопрано.
«Там жил какой-то джентльмен», —
не отрываясь от экрана,

сказал сосед, и унесли
кого-то быстро на носилках.
«Спасли?» «Надеюсь, что спасли».
Блестели каски на затылках.

Я ограждение обошел,
мне стало стыдно, интересно,
увидел тело, лоб был желт,
услышал слово «бесполезно».

Я убил мотылька,
что по стенке летел.
Думал, моль. Смерть легка.
Убивать не хотел.

От того мотыльца
вот осталась пыльца
на обоях, труха,
ну совсем чепуха.

И какая-то часть,
ну, практически взвесь,
вдруг куда-то взвилась,
разместилась не здесь.

Мой тесть работал на заводе,
твой тесть трудился в КГБ.
Мой круглый год не по погоде,
твой, с папироской на губе,

допрашивая подписантов
и прочий ненадежный люд
за неимением талантов,
был на Лубянке мегакрут.

К чему я тут? Да сам не знаю.
Наверное, к тому, что власть,
самоуверенность тупая,

как сыпь, тебе передалась.

Отец мой спился и пропал,
но в девяносто пятом,
хорошем и проклятом,
зачем-то приезжал.

Учил меня курить. Курю.
«БТ» уже не по рублю.
Он открывает пачку,
последнюю заначку.

Он выпил весь одеколон
и к пиву дихлофоса
додал! Он весь угроза.
Но как прекрасен он.

Но я-то злюсь, гоню его.
А у него нет ничего.
Ни денег, ни работы.
Он из питейной роты.

Отец уходит, ну и пусть.
Благодарю за гнев и грусть.
Сны мальчика счастливы.
О, дорогие Фивы!

Говорил поэт с монобровью поэту со шрамом:
— Хоть излазийся ты по чужим карманам,
своего не много там наскребешь,
караоке одно споешь. — Отож, —

отвечал со шрамом товарищу с монобровью, —
я припал к изножью, не к изголовью,
но нашел свой голос потерей кожи,
на латынь перевел речь будок и взял дороже.

И сказал им третий, если бы был здесь третий:
— Потеряли игрушку и злитесь, дети,
и не ведаете, что пустоты в травке
и любовь народа пошлей удавки.

Локализуй стихотворенье!
Закастомайзь его! А там,
как проплативший продвижение,
я буду гуглить по словам.

Я только завтра буду гуру,
и только завтра в соцсетях
я размещу сию халтуру,
и, преодолевая страх

быть пойманным на интертексте,
цитате не пойми кого,
я выскочу на манифесте
и забрендирую его!

Не кларнет у Карла украла Клара
и не Саша с сушкой по мостовой
шлепала – побежал ручеек с Урала,
чтобы с гор скатиться и стать Москвой.

Кто остался, стали тем, кем не стали
те, кто уехал и стал, кем стал.
Упрекать отъездом давно устали,
ну, давай, чеши, чемодан – вокзал.

Но гордятся выходцем, а вернешься –
станешь лузер и нищеврод,
а куда подальше переберешься,
так предашь и родину, и народ.

Растиньяк под маскою д'Артаньяна,
человек на Савеловском чебурек
ест стоймя, наблюдая, как сын Корана
расчищает за окнами русский снег.

Советское стихотворение

Жалко, когда закрываются
димсамные и кофейни
(часто они называются
странными именами).
Жалко, когда закрываются
пабики и питейни,
мелкие забегаловки,
еще не открытые нами.

Вафельные бельгийские,
блинные, желатерии,
пирожковые, кнышные,
закусочные фиш-энд-чипс,
корнишные и еще бельгийские,
знаете, ну, такие,
где насыпают картошку фри
в чистый газетный лист.

На променаде в Брайтоне
жалко до боли устричную,
что с 70-х держала
одна пожилая пара,
где подавали самую
простую еду уличную,
и еще десять лет назад
мы здесь ели горячий киппер
у моря в облаке пара.

Жалко всех, но особенно —
смешное кафе «Ромашка»,
напротив 37-й школы,
на углу Первомайской и Восточной.
Мы ходили туда втроем —
я, Леха Ситников и Романченко Сашка,
который потом стал киллером
(не верю, но говорят, что точно).

«Ромашка» не была заведением,
где оставляли получку
и пропивали авторы
доход от своих статей.
Там варили пельмени,
и мелочь, выигранную в «трясучку»,
мы обменивали на порцию
за 80 копеек.

Я не буду, как Межиров,
воспевать диетические столовки,
но мне жаль «Ромашку»,
дочку советского общепита.
Не за пельмени в горшочках
и непритязательность обстановки,
а потому что работала
и теперь закрыта.

Твой внук откроет книжку,
ты сразу: уезжант!
Не разрушай интрижку,
упомяни талант.

Продерни болтунишку,
упомяни грешки.
Твой внук откроет книжку,
а там мои стишки.

**О невероятных последствиях поездки в Курск либерала и эмигранта О.
Дозморова**

Я нерукопожатен
теперь и неудобен,
однако бесподобен,
хотя и беспощаден.

Не доезжая Курска,
все пассажиры вышли,
а я один не вышел,
и было мне не грустно.

Я в самой лучшей вате
внезапно оказался,
читать не отказался,
и мне тут были рады.

Здесь родина славянства!
Здесь пьянство и Змиевка!
Стихи здесь пишут ловко
хлопцы помимо пьянства.

На четверть из-под Рыльска*,
где немцев порубали,
Роман – я звал – Рубанов**,
и никакого риска.

Здесь южнорусский говор,
здесь я звучу как кавер,
и отдыхает Катер***,
где майский жук огромен.

Я многого не помню,
но парни не расскажут,
а только молча вмажут
по полтора ста скромно.

Немного о Борисе

я рассказал нестрого.
Сидим за полвторого,
звонок – летим как рыси!

И речи паралич
волнения опричь:
Сергей Сергеевич****,
Евгений Маркович*****!

Они из «Бегемота»
читают и «Акцента»,
и в центре континента
я плачу отчего-то.

На фотке там я слева
сiju, внимаю слову
Володи Косогова*****,
Андрея Болдырева*****.

* Мой дед родился в 20 км от Рыльска, в селе Бупел.

** Роман Рубанов – первый поэт Курска.

*** Катер – Екатеринбург.

**** Сергей Сергеевич Романов – филолог, преподаватель КурГУ, подвижник.

***** Евгений Маркович Евглевский – курский филолог, знаток стиха,
подвижник.

***** Владимир Косогов – первый поэт Курска.

***** Андрей Болдырев – первый поэт Курска.